

В.И. Дьяченко

**К РАЗНООБРАЗИЮ ТОПОНИМИКИ
НА КАРТЕ ТАЙМЫРА
(русские гидронимы Восточного Таймыра)**

Топонимы, или географические наименования, отраженные в письменных источниках и на картах той или иной территории, могут жить тысячелетиями. Они возникают в силу необходимости назвать разнообразные — как природные, так и создаваемые человеком — географические объекты. Географические имена дают представители этноса, и они отображают природные особенности местности и определенным образом характеризуют поселения. Народная топонимия вырабатывается постепенно, вбирая в себя местные диалектные слова и особенности произношения. При этом образуются такие топонимические системы, мозаичность которых по занимаемому ими региону может не совпадать ни с административными территориями, ни с границами расселения этноса. Топонимический порядок имеет способность впитывать разноязычные топонимы, оставленные теми народами, которые здесь жили ранее, что схоже со слоями археологических культур. Это позволяет во многих случаях найти следы проживания на определенных территориях тех или иных этносов и пути их передвижения по ним. В том случае, когда на уже обжитые места приходят представители нового этноса и они говорят на том же языке, что и уже живущие здесь, то обычно прибывшие заимствуют ранее данные наименования и лишь немногие топонимы привносят в существующую топонимическую систему. Миграции групп людей с одной территории на другую (особенно редко заселенную) часто сопровождаются и продвижением на новую территорию географических названий со старых мест жительства, а также образованием топонимов, отражающих характер освоения новых мест заселения [Никонов 1965: 14].

Гидронимы являются одним из классов топонимов и обозначают названия водных объектов (рек, озер, морей, заливов, проливов, каналов и т. п.). Наименования водных объектов могут сохраняться в течение многих эпох, и благодаря этому гидронимы имеют высокую лингвистическую ценность. Рассмотрение гидронимов по-

зволяет проследить этнические и миграционные процессы на известной территории, пути заселения и направления миграций народов, выявить контакты и взаимоотношения между разными этносами и историческую смену одного этноса другим, восстановить географические условия местности и т.д.

Через рассмотрение миграций в далеком прошлом можно проследить пути проникновения русских топонимов на территорию с иноязычным населением, а также увидеть перемещение славянских топонимов из одной области в другую. Например, относительно севера Европейской части России топонимически четко различается несколько слоев географических названий: 1) древнейший слой гидронимов, который новгородцы, придя на эти земли, восприняли без перевода и почти не изменяя, например *Кокшенга*, *Вычегда*, *Вага*, *Сулонда*; 2) более поздний финно-угорский слой, к которому принадлежат названия некоторых местностей, островов, урочищ, речек и сравнительно редко поселений, например местечко *Шулонема*, речки *Ламбас курья*, *Лакта*, поселение *Ракула*; 3) поздний слой, названия которого возникли в период проникновения новгородцев в Двинскую землю и постепенной ассимиляции славянами местного финно-угорского населения [Мурзаев 1984: 337]. В результате образуется некая мозаичность, в которую входят собственно русские названия и смешанные, в которых сочетаются русские элементы и финно-угорские или русские и древнейшие основы названий рек. Так, к примеру, в Сибири прежним названием поселка Хатанга на Восточном Таймыре было *Носкуо* ~ *Носко* ~ *Носок*. Появление в северных областях Европейской России термина *нос* в значении 'мыс', 'выступ' нужно, по-видимому, связывать с семантическим заимствованием поморами из финно-угорских языков [Там же: 396].

Процесс освоения русскими Сибири, по сути, являлся миграцией славянского населения из северных и центральных районов России за Уральский хребет. И если бы не особенности географического ландшафта Сибири, а точнее — специфика конфигурации речных систем, столь стремительный выход (менее чем за столетие или в течение двух поколений людей) к берегам Тихого океана русских едва ли был возможен.

Характерной особенностью речных систем сибирского края является их чрезвычайная связанность между собой. Первая на восток от Урала река Обь — одна из крупнейших в Сибири — своими западными притоками подходит вплотную к бассейну р. Камы, а восточ-

ными связывается с бассейном Енисея. Енисей же, простирая на восток три Тунгуски (Ангару до недавнего времени называли Верхней Тунгуской), соединяется через них с одним из крупнейших Ленских притоков Вилюем и с самой Леной. Последняя же притоками Олекмой и Алданом входит почти в непосредственное соприкосновение с Амуром и Охотским морем. Такая связанность сибирской речной сети имела в прошлом Сибири колоссальное значение: способствуя расселению по стране местного населения, она вместе с тем создавала удобные условия для проникновения сюда русских, быстро прошедших через просторы Сибири.

После начала стремительного продвижения русских на восток на географической карте Сибири стало возникать множество топонимов-двойников, первоначальное существование которых было зафиксировано на территории Европейской части России, откуда двигались первопроходцы. Одним из таких топонимов стало слово *волок* и его производные. Топонимические примеры на территории Европейской части России до Волги довольно многочисленны еще со времен походов по речным системам Волхова и Днепра «из варяг в греки». Это существование многочисленных населенных пунктов в формах: Верхний Волочек, Волока, Волочка и др. За Уралом известны древний Волок через полуостров Ямал; Тазовский Волок между реками Таз и Турухан, Авамо-Тагенарский Волок, соединяющий Пясину и Хатангу. Это свидетельствует о чрезвычайной важности волоков в системе путей, по которым шло продвижение русских по Сибири на всех направлениях: как с запада на восток, так и в меридиональном направлении — большинство крупнейших сибирских рек текут с юга на север, неся свои воды в Ледовитый океан.

Преодолев волоками Урал и Ямал, из низовьев Енисея русские шли вверх по правому его притоку (р. Дудинке) до Боганидского озера. Оттуда вверх они по р. Вологочан волоком переваливали в другую р. Вологочан, впадающую в южную часть Пясинского озера. Название речек «Вологочан» является старинным русским названием *Волочан*, искаженным позднее местным населением. Эти речки разделены низким заболоченным перевалом длиной около 1,5 км, который не мог служить препятствием для энергичных и предприимчивых людей того времени. Из Пясинского озера они попадали в р. Пясину, а по ее правым притокам, рекам Дудыпте и Аваму, через ряд озер и нешироких волоков переваливали уже в систему р. Хатанги — р. Хету. Левый ее приток — р. Волочанка, — входивший в этот путь, до сих пор сохранил свое древнее название.

Н.Н. Урванцев, известный советский геолог и первооткрыватель таймырского месторождения медно-никелевых руд, писал, что волок, соединяющий Пясинский и Хатангский бассейны, имеет протяжение всего 2176 м, из них 906 м идет по озерам, 300 м — по болотам и всего 970 м — по низменной тундре. Столь же невелик и носит такой же характер волок по системе речек Вологочан из бассейна Енисея в Пясинский [Урванцев 1969: 23]. Очевидно, южно-таймырский водный путь широко использовался промышленниками, по крайней мере, в XVII в., когда реки служили незаменимыми путями сообщения, а переволакивание судов и грузов по водоразделам из одной речной системы в другую было основным способом передвижения между крупными реками Сибири у русских.

Верховья р. Дудыпты и ее бассейна граничат с верховьями бассейна реки Хеты, и это обстоятельство использовали русские землепроходцы, проложив, вероятно, еще в XVI веке, а может быть, и раньше водный волоковый путь с Енисея на Хатангу. В начале этой дороги, на Енисее при устье Дудинки, был поставлен укрепленный Дудинский острог, а в конце, на р. Хете, — селение Волочанка (Волосянка).

Издавна путь с Енисея на Хатангу использовался довольно интенсивно. Берега Пясины на всем протяжении от истока до Дудыпты были густо заселены. Участники экспедиции Н.Н. Урванцева в начале 1920-х гг. насчитали на своем пути, на расстоянии менее 150 км, двенадцать поселений с остатками жилых строений. Ниже Дудыпты по Пясине вплоть до устья следов постоянного жилья они не встретили. Им попадались только чумы долган и эвенков, прикочевывавших сюда для промысла рыбы [Урванцев 1978: 46].

Дорога от Дудинки на р. Хатангу была проложена, по-видимому, еще во времена Мангазеи (начало XVII столетия). Она шла вдоль северной окраины среднесибирского плоскогорья, по кромке лесной растительности. Дороги в обычном понимании здесь, конечно, не было, существовало лишь направление, по которому продвигались от станка к станку. Станки представляли собой наиболее удобные места зимних стоянок оленеводов, где они вели торговлю с русскими купцами. Здесь со временем возникали временные «поселения» из одной-трех избышек или балков (чумов), пустовавших летом, когда езда по тракту прекращалась, и оленеводы откочевывали в места летних пастбищ на север, в тундру. Эти места стоянок постепенно закрепились и получили названия по местности (Росо-

машье), речкам (Авам, Рассоха, Новая) или именам обитателей (Исаевский, Мироновское, Бархатово и др).

В русской топонимике (и в гидронимике, в частности) есть несколько принципов номинации, т.е. названия. Называние возникает различно, в зависимости от условий, времени и места, где находится та или иная речка, местность, которым необходимо дать свое имя. Применительно к Сибири это название по фамилиям или именам людей, первыми прошедших по водному пути. Так, именные списки переписной книги 1719—1721 гг. дают возможность объяснить происхождение некоторых названий географических пунктов и зимовий в низовьях Енисея. Бреховские острова, несомненно, получили свое название от семьи Бреховых, имевшей промыслы на этих островах в начале XVIII столетия; **Насонов остров** — от владельца зимовья на острове Василия Насонова; Нифантьевы яры — от Тимофея Яковлевича Нифантьева. В именных списках имеются фамилии Дуракова, Селиванова, Грибанова, Ананьина и другие, знакомые по названиям зимовьев, существовавших и в начале XX в. и носящих фамилии своих первых владельцев [Ауэрбах 1929: 13].

Второй, довольно функциональный принцип номинации — по физико-географическим особенностям той или иной местности.

Продвижение русских через Таймырский полуостров и далее на восток проходило двумя направлениями: морским путем, когда мореходы огибали самую северную континентальную точку на планете; и все теми же волоками через бассейны рек западного и восточного Таймыра. И оседание русского населения происходило главным образом на западе и востоке полуострова. На это имелись свои причины. В центральной части Таймыра русские просто не задерживались из-за тяжелых природно-климатических условий и недостаточности богатых ресурсов рыбы, необходимых для прокорма себя и ездовых собак — их главного транспортного средства зимой на Севере. «По краям» же полуострова две богатейшие рыбой реки — Енисей и Хатанга — вполне обеспечивали людей и, главное, ездовых животных питанием. С собаками промысловики осваивали все новые пространства, оборудуя пастями-ловушками на песча сотни и тысячи километров своих путиков. Это позднее — в XIX столетии, когда потомки русских влились в этнический конгломерат предков долган, — они стали селиться (точнее их обязывали оставаться на зиму в определенных местах) на станках тракта, проходящего по краю леса с юго-запада на северо-восток. До этого времени территория Центрального Таймыра была безраздельной вотчиной нганасан,

сумевших удачно адаптироваться к жесточайшим условиям таймырской зимы.

Опубликованная в «Трудах Института этнографии» статья Б.О. Долгих и Л.А. Файнберг [1960: 9–62] — наверное, одна из многих работ, в которой имеется информация по номинации нганасан и где авторы обращаются к центрально-таймырскому топографическому материалу. Поэтому в данном разделе статьи мы воспользуемся их данными.

В местной топонимике Таймыра хорошо отражены основные черты ландшафта, растительного и животного мира той территории, по которой кочевали нганасаны. Большинство рек, озер, хребтов и урочищ имеют, по крайней мере, два, а иногда и три названия: нганасанское, русское и долганское. Такая ситуация объясняется тем, что в XVII–XVIII вв. на территории Таймыра, которая до этого была занята только нганасанами, появляются русские — предки так называемых затундринских крестьян. С конца XVII в. на Таймыр переселяются группы якутов, и затем в результате взаимной ассимиляции появляются тюркоязычные долганы. Таким образом, в топонимике отразились три слоя названий, соответствующих этим трем этническим элементам. Кроме того, некоторые большие реки здесь имеют названия, объясняемые из тунгусского языка. Они были даны, очевидно, тунгусоязычными предками части нганасан. Это, возможно, самые старые названия на территории таймырских нганасан.

На крайнем севере территории кочевий нганасан находятся горы Бырранга. По-нганасански *бырранга* означает горы, изрезанные долинами речек, с большими обнаженными камнями и пространствами, покрытыми мхами и лишайниками. Горы Бырранга, по сведениям нганасан, представляют целое скопление хребтов, имеющих свои частные названия, например *Хэнка-бырранга* (Черные горы), *Анькангоадя* (Большие горы) и т.д. Нганасаны называют *бырранга* горы не только на севере, но и на юге, за р. Хетой, которые видны от устья р. Боганиды в виде синеющей полосы на горизонте [Там же: 15].

С гор Бырранга несколько речек сбегает в р. Таймыру, название которой означает, по мнению некоторых нганасан, «богатая или обильная река». Действительно, на Таймыре некогда насчитывалось 10 постоянных мест переправы через реку вплавь диких оленей, где нганасаны охотились на них копьями с лодок (так называемая по-колка). Это был главный способ обеспечить себя запасами сушеного мяса на всю зиму. Один большой левый приток Нижней Тунгуски

носит название *Таймыра*. По-эвенкийски *тамура* значит «дорогой, ценный» [Василевич 1958: 386]. Слово *Таймыра* эвенки тоже переводили, как ‘дорогой, обильный, щедрый’. Небольшие речки, впадающие в Таймыру, имеют нганасанские названия, например *Боотонкага* — «Быстрая», *Самба-мала-тарида* — «Сухой поляны мыса река», *Ая-тарида* — «Тунгусская река» и т.д. Но некоторые большие притоки р. Таймыры имели старые тунгусские названия. Так, про р. Логату нганасаны сообщали, что она получила свое название из-за множества встречающихся здесь вешал для сушки мяса. По-эвенкийски *логан* означает «вешало для сушки мяса» [Там же: 237]. О реке Горбита нганасаны говорят, что она получила свое название оттого, что промышляли на ней много линных гусей. По их словам, головы гусей здесь торчали, как лес. По-эвенкийски *гор* означает «линька птиц», *горкит* — «место линьки птиц», *гормими* — «охотиться во время линьки птиц» и т.д. [Там же: 92].

Нганасаны на своей территории выделяют низкие равнины, являющиеся долинами рек, и возвышенности, по большей части образующие водоразделы. Эти равнины по-нганасански называются *лынта*, по-русски — *лайда*, по-якутски — *тээнэ* или *алыы*. Возвышенности по-нганасански называются *коадя*, по-русски их именуют «камень» или «хребет». «Камнем» по-русски, впрочем, называют и горы Бырранга. По-якутски эти возвышенности называются по-разному, в зависимости от их характера: *таас* (‘камень’), *дьангы* (‘пологая безлесная возвышенность, покрытая мхами и лишайниками’), *кирбей* (‘возвышенность, покрытая мелким кривым лесом’).

Река Волчья (по-нганасански *Нгулясюда*, по-якутски *Болчай*, от русского Волчья) является правым притоком Горбиты. На лайде р. Волчьей нганасаны проводят осеннюю охоту на диких оленей. По словам нганасан, у этой реки на их стада домашних оленей почти всегда нападают волки, поэтому она и называется Волчьей. Выше Большой Волчьей в Горбиту, тоже справа, впадает небольшая река Малая Волчья. Недалеко от истоков р. Горбиты территория таймырских нганасан включает верховья довольно большой реки Янгоды, притока Пясины. Название ее, очевидно, происходит от эвенкийского слова *янг*, что значит «безлесное плато, сопка, голец» [Там же: 574].

В пределах современной территории проживания нганасан на Дудыпте некогда находились поселения затундринских крестьян: Озерное, Рыбное, Лесное, и поэтому здесь преобладает русская топонимика, хотя реки и озера одновременно с русскими имеют

и нганасанские названия. Названием р. Дудыпта пользуются русские и долганы. Нганасаны называют эту реку *Нямы* (Матушка) или *Бала* (Длинная). Раньше таймырские нганасаны во время своих кочевок пересекали Дудыпту не между Пайтурмой и Лесной, где жили затундринские крестьяне, а выше Лесной, там, где к северу от Дудыпты в ее долине находятся рыбные озера *Нанкё* (Куруглай), *Тамня* (Мотуда), *Нянту* (Эмис-кюель), *Денкига* (Биэлэй) и др. Приведенные в скобках долганские названия этих озер частью восходят к русским (Круглое, Белое), частью являются чисто якутскими (например, *Эмис-кюель*, что означает «Жирное озеро») или, очевидно, восходят к собственным именам нганасан, часто стоявших у данного озера (*Мотуда*) [Долгих, Файнберг 1960: 18].

К северу от р. Пайтурмы, между нею и Дудыптой, находится безлесная возвышенность, которую по-русски называют Ушкан-камень (т.е. «Заячьи горы»), по-якутски (точнее по русско-якутски) — *Ушкан-таас*, а по-нганасански — *Нгоодя* (*Нгуадя*), т.е. «Остров», так как она наподобие острова возвышается над тундрой.

Притоки Боганиды по большей части тоже имеют несколько названий. Так, речка Исаевская называется по-нганасански *Денды-битай* (т.е. «Северного сияния речка»); речка *Хэли-юрэх* (по-якутски «Мамонтова речка») по-нганасански называется *Калади-бигаи* (значение то же); речка *Дьибэлэх* (по-якутски «Жилая» от *дьиэ* — ‘жилье, дом, чум’ и т.д.) по-нганасански называется *Мадей-бигаи* (т.е. «Чумовая речка») и т.д.

Название р. Хеты было зафиксировано уже в XVII в., возможно, оно имеет самодийское происхождение. Предков нганасан первое время прямо называли «хетской самоядью». Эвенки и ессейские якуты называют ее Лама. В Енисей, ниже Дудинки, слева впадают реки Большая и Малая Хета. Но что значит слово *хетта*, нганасаны в середине XX в. не знали [Там же: 19].

На юго-востоке современной территории таймырских нганасан в Хету впадает р. Ледяная, или по-якутски — *Мустаах*. Но нганасанского названия эта река еще не имеет, т.к., по мнению выше цитированных авторов, она “находится слишком далеко от той территории, на которой последние столетия кочевали нганасаны” [Там же: 20].

Самыми древними гидронимами на территории проживания долган являются, по-видимому, прототунгусские, а некоторые — какого-то неопределенного характера (названия ряда больших рек — Хатанга, Дудыпта, Таймыра, Логата, и др.).

К югу от станков Хатангского тракта, в особенности в горах, в местах кочевий эвенков, распространена эвенкийская топонимика. Она сохраняется здесь в названиях больших и малых рек и озер (реки Аян, Аякли, озеро Лама и др.). В некоторых местах эвенкийская топонимика сохраняется и севернее (реки Авам, Чопко, эвенкийское название р. Хеты — Лама и т.д.). Затем следуют самодийские (главным образом нганасанские и энецкие) гидронимы — Пяси́на, Попига́й, Боганида и др. Далее по времени своего появления идут русские названия — озеро Портнягино, реки: Балахна, Романиха, Боярка, Волочанка, Нижняя, Убойная и т.д. Самыми поздними являются собственно долганские (якутские) названия, которые, как правило, имеют небольшие реки и озера. Иногда река имеет одновременно три названия: нганасанское — *Фетудома*, русское — *Новая*, долганское — *Санга-юрях* («Новая река» по-якутски). Часто долганские названия представляют перевод старых русских названий. Так, Самоедская речка по-долгански называется *Самай-юрях*, Амбарная — *Ампардах*, Большая — *Улахан* и т.д. Некоторые долганские названия рек и озер являются переработкой старых русских названий. Так, р. Медвежья превратилась в Меймечу, озера Талое, Пенистое и Рыбное — в озера Талай, Пениснай, Рыбнай [Долгих 1963: 135].

Долганское наименование поселения Хатангского (Хатанги) Носкуо, как говорилось выше, представляет видоизменение старого русского «Носок». Иногда старые русские названия заменены новыми долганскими. Так, Пелагеина речка (приток р. Волочанки), на которую переволакивали лодки с р. Авам при переходе из бассейна Пясины в бассейн Хатанги, теперь называется Тагенар (*тагин* — по-эвенкийски «болото, иногда мелкое заросшее озеро» [Мурзаев 1984: 538]). Значительная часть названий рек и озер по-долгански отражает их промысловое значение: *Балыктах* означает «рыбное», *Кунгсалах* — «кунжевое», *Курапаскылах* — «куропачья» и т.д. В местностях, которые осваиваются с давних пор долганами и нганасанами совместно, до сих пор почти каждое, даже незначительное урочище, река, озеро имеют как нганасанское, так и долганское наименование. В целом топонимика освоенной долганами части Таймыра отражает ее постепенную «якутизацию», которая началась с мелких, не имеющих промыслового значения, рек, озер и других урочищ, а затем распространилась и на более крупные [Долгих 1963: 135].

В целом, анализ географических названий на Таймыре показывает интересную тенденцию: если повсеместно на юге мы находим

местные названия, часто искаженные впоследствии русским произношением, то севернее, наоборот, — первоначальные русские названия искажены, иной раз до неузнаваемости, позднейшим якутским произношением. Многочисленные Рохоха—Рассоха встречаются на каждой крупной речке. Описне — Опасная, Ледопка — Ледовка, Суолема — Соленая, Помис — Фомич и так далее представлены в большом количестве. Некоторые наименования, конечно, сразу понятны, например р. Бичежная — от русского «бичева» [Скалон 1960: 319]. Обратившись к «Описанию Лено-Хатангского края» А.А. Романова [Романов 1933: 1–185], мы найдем довольно много примеров такого рода. Рассматривая пространственные списки географических названий (всего 3013 географических названий на территории между Леной и Хатангой, из них 443 наименования правых и левых притоков р. Хатанга), несмотря на многочисленные искажения истинного звучания слов нанесенной тогда транскрипцией, можно уловить русское их происхождение. Притом большинство их приурочено именно к водным артериям, тем более к крупным, и побережью моря. В то же время в глубине территории, в том числе в истоках речек, начинают встречаться и преобладать эвенкийские наименования. Уже одно изучение географических названий может дать богатый материал для определения направлений миграций в этих интересных районах.

Кроме того, необходимо отметить, что в местном долганском языке мы находим целый ряд русских слов, притом таких, которые показательны в интересующем нас отношении. Например, якутами здесь было воспринято название песцовой (именно песцовой) ловушки-пасти (*паас*) вместо широко распространенного в Центральной Якутии слова *сохсо*. Воспринялось здесь и слово *окол* (ловушка на гусей) в форме *окул*. Перешло в долганский язык слово «куропатка» (на Сибирском Севере — «куропашка») в форме *курпааскы*. Слово «нерпа» произносится так же, как и у русских, а прилагательное «нерпичье» дает *нерпалех*. Дельфин здесь называется «белюга», т.е., смягчив «у», долганы сохранили в этом слове древнерусское «г», утерянное в современном, из книг перешедшем названии «белуха» («ревет как белуга» — полярный дельфин именно «ревет» — вздыхает, поднимаясь на поверхность, в то время как осетровое — «белуга» — обитательница южнороссийских вод «молчит как рыба») [Скалон 1960: 320]. Примеры такого рода указывают на то, что пришедшими в этот край якутами были восприняты именно слова, определяющие материальные объекты, с которыми они встретились

в новой для них Арктике после русских. Или же те (например, слова «куропатка», «пасть»), которые в этих условиях получили новое большое хозяйственное значение.

Итак, соответственно некоторым принципам номинации в топонимике (и гидронимике, в частности) — по именам и фамилиям, физико-географическим особенностям, животному и растительному миру и т.д. — рассмотрим гидронимы Восточного Таймыра.

Названия, отображающие особенности географии местности, ее флору и фауну и др.:

р. Артельная — русск.;

р. Балда юряга — «балдовина, большой, тяжелый набалдашник; шишка, нарост, большая блона; лесная кривулина, толстое корневище, палица, дубина» [Даль];

оз. Белое — русск.;

оз. Бёлюэктя туойдах — по-видимому, от белёк — арханг. «тюлений щенок; тот же белёк на Белом море зовут морским зайцем; он идет в краску, на воротники и опушку тулупов» [Даль]; по якутски туой — «глина».

р. Бишке кюеёляря — двусоставной гидроним; от видоизмененного русск. слова «виска» — арханг., сиб., зырянск. «ручей, речушка, проток, соединяющая реки и озера» [Даль]; и якутск. «озеро».

р. Бичежная — от русск. бичева — «прочная веревка, для тяги судов против воды, лошадьми или людьми» [Даль];

р. Блудная — «бродить или ездить, сбившись с дороги и не опознаваясь в местности, сбиться с пути, блукать, плутать, путать» [Даль]; одноименная река (бассейна р. Мезень) протекает на территории Архангельской области;

р. Большая — русск., зафиксирована еще одна река с этим названием;

р. Большая Балахна — «балахна — широко раскрытые ворота или рот настежь, относя это к небрежности; неряха, разиня». «Переносно — рот, т.е. устье реки» [Мурзаев 1984: 68]. Зафиксировано также озеро с таким же названием;

р. Бугля — «буглинный шест, которым рыбаки выносят на ветер, топырят парус, упирая шест в кромку его» [Даль];

р. Бурнас юряга — сибирск. «бурнастый», «сиб. о голубях, курах и других птицах: хохлатый и мохноногий» [Даль] и якутск. *юряга* — «речка»;

р. Голубая — русск.;

оз. Грозное — русск.;

р. Губа салата — «ветвь, разветвление губы» (залив с устьем реки в его глубине);

р. Гусиха — русск.;

р. Дабрыска — очевидно от какого-то русского слова с прибавлением якутского суффикса;

р. Долгая — русск.;

оз. Дуса-кюёль — возможно, от русск. «душа» (Дуся?) и якутск. «озеро»;

р. Жданиха — от русск. «ждать»;

р. Казачья — русск.;

оз. Кольцо — русск.;

р. Конечная — русск.;

р. Костилах — «костяная» (от русск. «кость» и якутск. суффикса *лаах*);

р. Крупаскылах юряга — от искаженного русск. «куропачья» и якутск. «речка»;

р. Крутой салата — гидроним состоит из двух слов: *крутой* (видоизмененное русск. «крутой») — «резко изогнутый; лишенный плавности, постепенности» [Даль] и якутск. *салата* — «крутой рукав, протока, исток» [Пекарский, стлб. 2036];

р. Лабазная — от северорусск. «лабаз» — «амбар, навес в лесу, для складки запасов»;

р. Ледуонка — от русск. «ледовая»;

р. Лука юряга — от русск. «лука», см. выше;

р. Лукунская — от лука — «дугобразный поворот реки; изгиб чего-либо» [Даль];

р. Малая — русск.;

р. М. Балахна — см. Балахна; в Хатангском районе зафиксирована еще одна М. Балахна;

р. Медвежья — русск.;

р. Матиерик юряга — от русск. «материк» и якутск. «речка»;

р. Морпуска тюёса — возможно, производное от русск. слова «морской» и якутск. *тюес* — «грудина»;

р. Моруоскап — от русск. «морская»;

р. Нижняя — русск.;

р. Ниючубул юряга — по-видимому, образовано от якутской огласовки русского по происхождению слова *ничюбуул* — «ничего» [Пекарский, стлб. 1733] и якутск. *юряга* — «речка»;

р. Новая — русск., зафиксирована еще одна река с этим названием;

р. Нории — по-видимому, от русск. «норник» — «молодой песец, который еще не выходит или только начинает выходить из норы» [Даль];

р. Норийе — то же, что и *р. Нории* (см. выше);

р. Норник — см. «нории», «норийе»;

оз. Носкуо кюёль — от русск. «носок» и якутск. «озеро»;

р. Обуойня юряя — двусоставной гидроним — искаженное русское «убойная» и якутск. «речка»;

р. Очиегя юряя — возможно от русск. «очаг»; но возможна и другая версия: якутское *оччугуй* означает 'малый, маленький'. Как отмечает Ф.К. Комаров, в написании слова допущено искажение: отчегый. Слово встречается в составе сложных географических названий как различительное определение одноименных объектов, главным образом рек и озер [Комаров 1964: 75];

оз. Очиегя — то же;

р. Подкаменная — русск.;

р. Половинная — от русск. слова «половина»;

р. Помучуорскай — «помочанин, -чанка, работник и гость на помочи. Поможливый человек, охотно помогающий» [Даль];

р. Поперечная — русск.; имеется еще одна речка с тем же названием в Хатангском районе;

оз. Поплымнах — очевидно, от какого-то русского слова с прибавлением якутского суффикса;

р. Рассоха — «рассоха реки», сев., вост. «разречье, вернее два притока, две речки, которые сливаются под острым углом; зовут рассохой и всякий порядочный приток, рукав реки» [Даль]; зафиксировано еще впадающих в Хатангу пять рек с этим названием; одноименная река впадает в *р. Ясачную* (бассейн Колымы) на территории Якутии;

оз. Роговое — русск.

р. Покойница — русск.

р. Рыбная — русск.;

оз. Сельдейдах — «селетка и сельдь сельга·новг., сиб. сельдина, селечка, сельдишка, сельдиша; морская рунная рыба» [Даль]; в Хатангском крае зафиксировано еще одно озеро с тем же названием;

оз. Сопочное — русск.;

р. Старая — русск.

р. Суопкалах — «сопочная» (русс. «сопка» и якутск. суффикс).

Имеется еще две речки с таким же названием;

р. Таракан — русск.

р. Толокно — «мука, приготовленная толчением подсушенных, слегка поджаренных и предварительно пропаренных зерен овса» [Даль];

р. Уголях — может быть от русск. «угольная»;

р. Чермайин — «чермный, червлёный, багровый, темно-красный; мутного красного цвета; рыжий. Воды чермны, яко кровь. Чермное-лесье сиб. краснолесье, хвойный лес: сосна, ель, пихта, лиственница, кедр» [Даль];

р. Чиерес — может быть, происходит от русск. «через»;

р. Эричекя — вероятно, от русск. «речка»;

р. Янтарная — русск.

Значительная часть гидронимов Восточного Таймыра выражена в названиях через именную направленность:

р. Аксинья — от имени собственного;

р. Анна — русск. имя собственное;

р. Бородин — от имени собственного;

р. Ёлёксей салата — от искаженного русского Алексей и якутск. «протока»;

р. Исай — от имени личного; имеются еще озеро и речка с этим названием;

р. Карпа — то же;

р. Киняс юрягя — от искаженного русск. «князь» и якутск. «речка»;

р. Ладымар кюёля — по-видимому, от искаженного русск. Владимир и якутск. «озеро»;

р. Микитя юрягя — от искаженного русск. имени Никита и якутск. «речка»;

р. Михай пастага юрягя — от русск. имени Михай, искаженного русск. «пасть» и якутск. «речка»;

оз. Онтон — происходит либо от русского имени Антон, либо якутского *онтон* — «от того, из того, оттуда» [Пекарский, стлб. 1843];

оз. Портнягино — от фамилии Портнягин;

р. Портнягина виска — то же;

оз. Родимуон кюёля — от русск. Родион и якутск. «озеро»;

р. Роман юрях — «Романа речка»; имеется еще одна речка с тем же названием;

оз. Сабиестуон — очевидно, от искаженного русск. имени Севастьян;

р. Семён пастага юрях — от русск. «Семена пастей» и якутск. «речка»;

р. Семён рассоха — от имени собственного;

р. Сенька (2 речки) — возможно, от русск. Сеня, Семен;

р. Сергей юряга — «Сергея речка»;

р. Спиридуон эльяня — русск. Спиридон и, вероятно, якутск. *äliäñ* — «щеки (крутые каменистые берега реки, скалы)» [Пекарский, стлб. 247];

р. Спира туюстяга — от русск. «Спира» и якутск. «грудь»;

р. Степан юряга — «Степана речка»;

оз. Тарас кюёля — два варианта: 1) от русск. имени Тарас и якутск. «озеро»; 2) «тарасы — старинное наружное укрепление: рубленое, сруб, нередко крытое дранью; новг. рубленые быки, береговые и мостовые устои, на сваях» [Даль] и якутск. «озеро»;

р. Тереша — русск. от имени Терентий;

р. Уосип юряга — от русск. Иосиф и якутск. «речка»;

р. Яков — русск. от имени собственного.

Таким образом, анализ рассмотренных гидронимов на территории Восточного Таймыра только русского происхождения может говорить о следующем:

— значительный корпус новых названий на карте региона стал пополняться с XVII, а может быть, и с конца XVI столетия за счет нарицательных или собственных имен славянского происхождения, ставших местными топонимами;

— причина существования многочисленного пласта славянского происхождения в гидронимике была обусловлена физико-географическими условиями местности, объектами животного мира и иными качественными характеристиками водных артерий и озер;

— присутствие многочисленных русских гидронимов на карте Восточного Таймыра говорит о том, что первоначально некоторые реки и озера имели названия русского происхождения, а затем к ним стали прибавляться якутские слова и суффиксы, зачастую искажая звучание русских слов, что, очевидно, отражает этапы заселения региона или продвижения через него. Так образовывались двойные русско-якутские (долганские) названия.

Библиография

Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея // Рыбпромысловые исследования Сибири. Серия «А». Красноярск, 1929.

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2008.

Долгих Б.О. Происхождение долган // ТИЭ. Новая серия. М., 1963. Т. 84.

Долгих Б.О., Файнберг Л.А. Таймырские нганасаны // ТИЭ. Новая серия. М., 1960. Т. 56.

Комаров Ф.К. Словарь русской транскрипции терминов и слов, встречающихся в географических названиях Якутской АССР. М., 1964.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. М., 1958.

Романов А.А. Описание карты Ленско-Хатангского края. Л., 1933.

Скалон В.Н. Из истории древних русских поселений на крайнем севере Сибири // Известия Иркутского сельскохозяйственного института. 1960. Вып. 18.

Урванцев Н.Н. История открытия и освоения медно-никелевых руд Сибирского Севера. М., 1969.

Урванцев Н.Н. Таймыр — край мой северный. М., 1978.